

• СОДЕРЖАНИЕ •

Елена Арсеньева
РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ТАНГО
7

Марина Серова
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ШУТКА
70

Ирина Хрусталева
СВЕТ МОЙ ЗЕРКАЛЬЦЕ, СКАЖИ
110

Евгения Михайлова
СМЕРТЬ В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ
167

Татьяна Устинова
СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ
207

Елена Логунова
РЫБНЫЙ ДЕНЬ
215

Инна Бачинская
ЧУЖОЕ ДЕЛО
268

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

• РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ТАНГО •

— **П**огодите-ка, девушка, — устало сказал мужчина в серой куртке, — вы что, не видите, что закрыто?

— Не вижу, — усмехнулась Елена. — Помоему, очень даже открыто! — И она толкнула турникет, попытавшись пройти.

— Черт, — с досадой сказал мужчина, повернувшись к кабинке кассирши, — прекройте дорогу, вы что, русского языка не понимаете?

Испуганная смуглянка, сидевшая в кабинке, обвешанной рулонами туалетной бумаги, смотрела на него с тупым ужасом. Очень может быть, что она и впрямь не понимала русского языка, поскольку, судя по внешности, родилась где-то на бескрайних просторах бывшего Союза и училась в школе

(если вообще училась!) уже в то время, когда обязательное изучение русского языка было признано вредной политической ошибкой.

— Черт, — снова сказал мужчина, — да что вы все такие... тьфу! Закрыто! — крикнул он, обернувшись к небольшой группе людей, уже собравшихся перед турникетом и, судя по всему, испытывающих неодолимую охоту зайти за него. — По техническим причинам! Вон в другом переходе туалет, через двадцать метров, туда пожалуйста!

— Да там санчас! — возмущенно воскликнула маленькая женщина, стоявшая рядом с Аленой. При говорившей была сумка на колесиках, весом и объемом превосходящая хозяйку самое малое вдвое. — А на второй этаж не подняться — эскалатор не работает. Вы уж нас пустите, а то как пить дать авария случится.

— И не одна, — буркнул ломкий юношеский голос за Алениной спиной. И вслед за тем целый хор начал нестройно выражаться в том смысле, что закрывать одновременно два вокзальных туалета — это по меньшей мере некорректно.

— Черт! — в очередной раз сказал мужчина. — Ну не черт ли поберет?!

— Вообще чертыхаться в таком количестве вредно, — произнесла Алена, как указывают в театральных ремарках, в сторону. — Накличете еще.

— Кого? — непонимающе посмотрел на нее мужчина, и Алена заметила, что он примерно одних с ней лет, высокий, худой, сероглазый и до крайности усталый. А может, и злой, потому что у некоторых мужчин крайняя злость проявляется в тенях под глазами и мученических складках у губ. И больше ничего, никаких признаков. Они умеют себя держать в руках и не срываться на конкретных людях. Как правило, достается только предметам почти абстрактным: чьей-то блудной прародительнице, или некоему фаллическому символу, или общеупотребительному вместилищу женского греха, ну и, как вариант, разжигателю адова пламени.

— Ну, его, — улыбнулась Алена, потому что мужчина ей понравился. Что с того, что они встретились на пороге столь неромантического места, как туалет, и он помешал ей... помешал ей привести в надлежащее состояние некоторые свои внутренние органы, назовем это так. И что с того, что они сейчас разойдутся, как в море корабли! И вообще,

какой-то там работник туалетно-вокзального обслуживания совершенно не пара для писательницы, детективщицы, красавицы, умницы, фантасмагорической женщины Алены Дмитриевой, которая приехала в Москву специально на рождественскую милонгу!

Милонга, чтоб вы знали (быстренько поясню, дабы никого не клинило на непонятках), — это вечеринка, на которой танцуют только аргентинское танго. А также танго-милонгу или танго-вальс. Иногда милонгу и вальс называют быстрым или медленным танго, но это объяснение годится только в том случае, если нет времени вдаваться в подробности — как в нашем случае. Тем паче что впереди может случиться оказия, и о коренных отличиях танго от милонги и от вальса поговорить все же удастся. Ну а сейчас вернемся к диалогу Алены и туалетного работника... помните, у Евгения Шварца в «Каине Восемнадцатом»? «Поговори со мной, туалетный работник!» Похоже, правда?

Итак, Алена улыбнулась туалетному работнику и сказала:

— Ну, его... о котором говорят: помяни черта, а он тут как тут.

— Нет, ну что это за издевательство, — простонала какая-то высокая худенькая бледненькая девушка в вязаной, глухо натянутой на лоб шапочке, протискиваясь сквозь толпу. — Я не могу больше, не могу, понимаете?! Я беременная, у меня токсокоз первых месяцев, меня сейчас вырвет! Прямо здесь! Пропустите меня к унитазу!

Она зажала рот рукой, и сероглазый мужчина на всякий случай отпрянул к стене, чтобы себя обезопасить, а потом во весь голос заорал:

— Василий Петрович! Громовой!

— Ну чего? — отозвался и впрямь утрашающий, воистину громовой бас, и вокруг Алены раздались смешки. Она и сама хохотнула за компанию.

— Я одну девушку пропущу, — крикнул сероглазый. — Она беременная!

— Не верю! — отозвался Громовой. — Или девушка, или беременная, оба-два разом — понятия взаимоисключающие.

— Философ, иди ты! — несказанно удивился кто-то в толпе.

— Мне плохо! — взвизгнула взаимоисключающая беременная девушка. — Я сейчас... сейчас...

Алена сунула руку в сумку и выхватила полиэтиленовый пакет. В нем лежало яблоко, взятое в дорогу, но не съеденное за отсутствием аппетита. Яблоко Алена вытряхнула в сумку, а пакет протянула девушке.

Та глянула недоумевающе.

В эту минуту из туалетных недр явился человек, который с успехом мог бы сыграть Портоса в новой версии бессмертного романа Дюма.

— Ну что? — повернулся к нему сероглазый.

— Да все то же, — сердито буркнул Портос, и сразу стало ясно, что это и есть Василий Петрович Громовой. — Крест, восемь С, бутерброд. — И он потряс пластиковым пакетом, в котором лежал самый обыкновенный бутерброд: ломтик белого хлеба с колбасой.

— Колбаса!.. — в ужасе простонала девушка, выхватила у Алены пакет и ринулась прочь, прижимая его ко рту. Толпа сочувственно расступилась перед ней.

— Бутерброд? — печально проговорил сероглазый. — Опять упакованный, конечно?

12 Понятно... Безнадега...

— Вызывай оперативников, короче, — сказал Громовой. — Нашей самодеятельностью тут не обойдешься.

Сероглазый «туалетный работник», который, как теперь легко было догадаться, оказался работником вовсе даже милицейским, достал телефон и начал нажимать на кнопки, а Громовой встал около турникета, взялся за него обеими руками и возвестил, что туалет закрывается на неопределенное время в связи с тем, что в нем произошел несчастный случай, поэтому необходимо обеспечить беспрепятственную работу оперативной бригады, которая сейчас прибудет.

Его голос слышен был примерно половине вокзала, поэтому Алене пришлось приложить немало усилий, чтобы выбраться из толпы, которая немедленно собралась на манящее слово «несчастный случай». Вечная трагикомедия нашей жизни, никуда от нее не денешься.

Поднявшись на второй этаж вокзала (эскалатор очень удачно заработал в то мгновение, когда она к нему подошла), Алена сделала то, что хотела, и снова спустилась вниз, чтобы пройти в метро. Толпа около туалета меньше не стала, и двум милиционерам в форме

приходилось применить немало силы, чтобы через нее пробиться.

«Интересно, что там случилось? Неужели кого-то убили?» — подумала Алена, но не медленно поняла, что ее это на самом деле не очень занимает. Ну кого могли убить в вокзальном туалете? Бомжа какого-нибудь. Или бомжиху, вернее всего, потому что Громовой вышел из женского отделения. А при чем там был бутерброд? Его нашли у жертвы? Нет, похоже, на нем надеялись найти отпечатки пальцев: если вынесли в пластиковом пакете, значит, это бутерброд убийцы. Бр-р, какая пакость. И что там еще было... крест и восемь С, кажется, так сказал Громовой. Что бы это значило, интересно?

А вот тут Алене и в самом деле стало интересно, потому что звучало необычно, а ее хлебом не корми, дай какую-нибудь загадку разгадать. И чем больше в ней намеков на ребус или шараду, а то и вовсе на шифр, тем лучше! Крест, восемь С, бутерброд... Ну, предположим, крест — это крестик, который был на жертве. Или его убийца обронил? Или на стенке нарисовал? А что такое восемь С?! И еще Громовой сказал — опять...

14 Получается, какие-то убийства уже были,

если так можно выразиться, декорированы подобным образом? То есть это серийное убийство? Действует маньяк? Ужас! И это накануне Рождества!

И ужаснее всего, что это не столько маньяк, сколько маньячка, ибо убийство произошло в женском туалете...

— Девушка, ну куда вы *претесь*?! — заорал кто-то над ухом, и Алена очнулась, бестолково замотала головой и спохватилась, что стоит перед этой штукой, бог весть как она называется, она отродясь не знала, ну, через которую надо пройти, чтобы в метро попасть... раньше в нее жетончики бросали, потом карточку всовывали, а теперь просто прикладывают эту карточку к красному кружочку — и все отлично, иди не хочу! Алена хотела идти, кто спорит, но беда в том, что у нее не было этой самой карточки, которую нужно к красному кружочку приложить. Она проскочила кассу, углубившись в свои думы и забыв обо всем на свете. О да, это наша героиня умела делать в совершенстве! Однако Москва — последнее место в мире, где стоит предаваться гениальной рассеянности. Вот вернешься в родимый Нижний